

1906 г.

Годъ III.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ

КИТАИ ОСНОВАНА ВЪ 1685 ГОДУ.

ИЗВѢСТІА БРАТСТВА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ въ Китаѣ.

Православная духовная миссія учреждена въ Китаѣ, въ Пекинѣ, въ 1721 г. Въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Петромъ I назначенъ 1-мъ Епископомъ въ Пекинъ Святитель Иннокентій, нареченный Переславскимъ, 5 Марта 1721 года.

ИЗДАНИЕ
Братства Православной Церкви
въ Китаѣ.

Выпускъ 32-33.

Благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ назначенъ 1-мъ Епископомъ въ Китаѣ Преосвященнѣйшій Иннокентій, нареченный Переславскимъ. 25 Мая 1902 года.

Г. Пекинъ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссiи.

1906.

Православная Русская Церковь въ Китаѣ управляется Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ **Иннокентіемъ**, Епископомъ Переславскимъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ Начальникомъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ.

Замѣщенія и вакансіи:

2 священника (или іеромонаха) съ содержаніемъ—по 2500 руб. каждому	{ Двѣ вакансіи.
3 іеромонаха, съ окладомъ содержанія въ годъ каждому по 1800 рублей	{ 1. Архимандритъ Авраамій.
2. Іеромонахъ Симонъ.
3. Іеромонахъ Василій.
1 діаконовъ, съ содержаніемъ въ 2000 руб.	{ Вакансія.
2 псаломщика, по 1500 руб. каждому въ годъ	{ Ю. М. Васильевъ.
Свящ. П. Фигуровскій.
1 священникъ, съ окладомъ въ 250 рублей въ годъ.	{ На этомъ окладѣ состоитъ священникъ - китаецъ, Сергій Чанъ.
1 катихизаторъ, 200 рублей въ годъ	{ діаконовъ Михаилъ Минъ.
2 учителя китайскаго языка, по 150 рублей каждому въ годъ	{ 1. Иннокентій Жунь.
2. Синъ Бао.

Церкви Духовной Миссіи:

Настоятель—Епископъ **Иннокентій**

1) Первоклассный Успенскій (бывшій Срѣтенскій) монастырь въ Пекинѣ, освященный въ 1732 году. Монастырь разрушенъ боксерами въ 1900 году. Началъ возстановиться въ 1902 году. Возстановленіе продолжается	{ Членъ Миссіи іеромонахъ Симонъ іеродіаконъ: Евлогій и Евстафій, и 12 человекъ братія.

Въ монастырѣ находятся церкви:

- а) Трапезная Успенская.
- б) Домовая архіерейская Иннокентіевская
- в) Всѣхъ Святыхъ мучениковъ (строится).
- г) Кладбищенская Серафимовская (строится).

При Миссіи учреждается съ 1902 года женская община со школою для дѣвочекъ.	{ Забудующая общинной монахини Евпраксія и при ней 7 сестеръ.
2) Молитвенный домъ и школа при кирпичномъ зав. миссіи въ Пекинѣ, основ. въ 1902 г.	{ Завѣдывающій Георгій Суздавовъ.
3) Посольская Срѣтенская церковь въ Пекинѣ основанная въ 1778 г.	{ Штатовъ не положено, служатъ іеромонахъ миссіи.
4) Дунъ-динъ-аньская церковь, основанная въ 1868 году; разрушена въ 1900 году и пока не возстановлена.	{ Штата не положено.
5) Ханькоуская церковь, основанная въ 1884 г. Жалованье положено отъ прихожанъ: священнику 3000 руб. въ годъ псаломщику 900 руб. въ годъ	{ Іеромонахъ Пекинскаго Успенскаго монастыря Антоній. Александръ Гертовичъ.
6) Калганская, основанная въ 1895 году. Разрушена въ 1900 г. и пока не возстановлена.	{ Штата не положено.

Годъ III.

Выпускъ 32-33.

ИЗВѢСТІЯ БРАТСТВА
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КИТАѢ.

31 Іюля 1906 года.

Почему язычники не принимаютъ вѣры.

Изъ твореній св. Іоанна Златоуста
(т. XI, кн. II, стр. 687—689).

Будемъ жить такъ, чтобы не хулилось имя Божіе. Не будемъ ни гоняться за человѣческой славою, (ни вести себя такъ) чтобы о насъ составилось дурное мнѣніе, но будемъ соблюдать надлежащую мѣру и въ томъ и въ другомъ. Въ нихъ же, сказано, *является, якоже свѣтила въ мѣрѣ* (Филип. 2, 15). На то, вѣдь, и поставилъ Онъ насъ, чтобы мы были подобны свѣтиламъ, чтобы мы содѣлались учителями другихъ, чтобы мы стали закваскою, чтобы мы обращались какъ ангелы съ людьми, какъ мужи съ малыми дѣтьми, какъ духовные съ людьми душевными, чтобы и тѣ получили пользу, чтобы мы содѣлались сѣменами, чтобы приносили обильный плодъ. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сіяла въ такой степени; не были бы нужны учителя, если бы мы

творили дѣла благія. Никто не остался бы язычникомъ, если бы мы были христіанами, какъ слѣдуетъ. Если бы мы соблюдали заповѣди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилія, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбленія, воздавали добромъ, то никто не былъ бы столь дикимъ, чтобы не обратиться къ истинной вѣрѣ, еслибы такъ всѣ вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу примѣръ): одинъ былъ Павелъ, и столько людей привлекъ къ себѣ. Если бы мы всѣ были такими, то сколько вселенныхъ мы обратили бы? Теперь христіане многочисленнѣе язычниковъ. Между тѣмъ, когда другимъ искусствамъ одинъ можетъ научить сто отроковъ здѣсь, не смотря на то, что есть много учителей и что ихъ гораздо больше, нежели учениковъ, никто не присоединяется.

Учащіеся взираютъ на добродѣтели наставниковъ и, если видятъ, что и мы того же желаемъ, того же ищемъ, (чего и они), то есть, почестей и власти, то какъ они могутъ почувствовать уваженіе къ христіанству? Они видятъ жизнь порочную, души земныя, (видятъ) что мы столько-же пристрастны къ деньгамъ, какъ и они, и даже еще больше, передъ смертію такъ же, какъ и они, трепещемъ, боимся бѣдности наравнѣ съ ними, въ болѣзняхъ, какъ и они, ропщемъ, одинаково любимъ власть и силу и, мучась сребролюбимъ, стараемся уловить благопріятный случай.

Итакъ, ради чего они станутъ вѣровать? Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ея и слѣда нигдѣ не видно. Вотъ почему мы дадимъ отчетъ не только въ своихъ грѣхахъ, но и въ погибели другихъ людей. Итакъ, по крайней мѣрѣ, теперь воспрянемъ, станемъ бодрствовать, покажемъ на землѣ житіе небесное, будемъ говорить: *наше житіе на небесахъ есть* (Филип. III, 20), и на землѣ станемъ совершать подвиги. Но и у насъ, скажетъ иной, были великіе мужи. Какимъ образомъ я стану вѣровать этому,—можетъ возразить язычникъ? Я не вижу, чтобы вы дѣлали то же самое, что они дѣлали. Если нужно объ этомъ разсуждать, то и мы, скажутъ они, имѣемъ великихъ философовъ, по своей жизни достойныхъ удивленія. Но ты покажи мнѣ другого Павла или Іоанна; а ты не въ состояніи сдѣлать этого. Какъ послѣ этого не станетъ (язычникъ) смѣяться надъ такими нашими рѣчами? Какъ ему не остаться въ своемъ невѣдѣніи, когда онъ видитъ, что мы любимудрствуемъ только на словахъ, а не на дѣлѣ? Вѣдь теперь за одинъ оболъ каждый готовъ и убить, и быть убитымъ. За клочекъ земли ты заводишь безконечныя тяжбы, а за смерть сына все приводишь въ смятеніе. Я уже

оставляю безъ вниманія все другое, надъ чѣмъ слѣдуетъ проливать слезы, именно—гаданіе, прорицаніе, наблюденіе примѣтъ, судьбу, изображенія, повязки, ворожбу, припѣванія, чародѣйство. Воистину велики эти (преступленія) и достаточны, чтобы возбудить гнѣвъ Божій, потому что даже послѣ того, какъ Онъ послалъ Сына Своего, мы дерзаемъ совершать это. Что же остается намъ дѣлать? Ничего больше, какъ только плакать. Вѣдь едва меньшая часть міра спасается...

**Освященіе храма на станціи Хайларъ Китайской Восточной
желѣзной дороги во имя Преображенія Господня.**

Что значитъ слово *Хайларъ*? На этотъ самый обыкновенный и естественный вопросъ мнѣ до сихъ поръ никто не далъ опредѣленнаго отвѣта. По мнѣнію чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вторая часть слова *Хайларъ*—*ларъ*—видоизмѣненное *ларъ*—городъ, а первая половина *хай* совсѣмъ неизвѣстно, что означаетъ. До проведенія Китайской Восточной ж. д. Хайларъ (городъ) отличался большимъ многочисленіемъ; кочевники-монголы раскидывали свои юрты невдалекѣ отъ города. Два раза въ годъ бывали ярмарки, на которыя съѣзжались купцы изъ Пекина, откуда идетъ караванный прямой трактъ на Хайларъ около 1000 верстъ; пріѣзжали и русскіе изъ Забайкалья и Пріамурья. Ярмарки эти, по словамъ амбана, отличались большими оборотами; по характеру торговля была большей частью мѣновая. Вымѣнивались драгоценные камни, скоть, на матеріи, чай и тому подобное. Очевидно, кочевникамъ въ долинахъ рѣкъ Хайларъ, Именгивъ и Аргуни жилось привольно. Съ сѣверо-западной стороны Хайларъ былъ закрытъ отъ постоянныхъ вѣтровъ и сыпучихъ песковъ такъ называемой *священной* сосновой роцей, которая какъ бы дугой обхватывала внизу лежащій городъ. Но вотъ появились русскіе доморощенные культуртрегеры,—и вся картина жизни Хайлара рѣзко измѣнилась. Монголы скоро поняли, что такое изъ себя представляютъ новые сосѣди, и, понемногу уходя въ глубь, отодвинулись теперь отъ линіи на разстояніе около 200 вер. Монголы—народъ въ высшей степени миролюбивый, довѣрчивый—сразу же начали безсовѣстнымъ образомъ эксплуатироваться европейцами, первыми піонерами

русской христіанской культуры. Монголы откочевали; а послѣ русско-китайской войны и славныхъ походовъ по Маньчжуріи герои этой войны городъ Хайларъ были заняты русскими войсками по праву завоевателя, и только теперь, послѣ русско-японской войны, китайцы настойчиво стали требовать объ эвакуаціи города русскими.

Съ появленіемъ русскихъ сильно порѣдѣла и сократилась площадь священной сосновой рощи. За то природа теперь жестоко мститъ просвѣщеннымъ колонизаторамъ, нанося съ каждымъ годомъ все больше и больше песковъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если не будутъ приняты своевременно лѣсонасаженія для защиты, Хайларъ погибнетъ подъ сыпучими песками.

Климатическія условія Хайлара очень суровы: зимой морозы доходятъ до 46 градусо́въ; теплыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Хайларѣ только іюнь и іюль; уже въ августѣ по ночамъ начинаются заморозки. Результатомъ суровости климата являются безчисленныя заболѣванія ревматизмомъ, воспаленіемъ легкихъ и т. п. Кроме того, Хайларъ находится въ зонѣ частыхъ вспышекъ чумы на скотѣ и среди людей.

Въ теченіе русско-японской войны Хайларъ сильно разросся. Появилось безчисленное множество винныхъ складовъ. Гнать спиртъ безъ акциза—это чуть-ли не идеаль русскаго предпринимателя въ Маньчжуріи. Въ самомъ Хайларѣ торговля по преимуществу мелочная; крупныя торговыя фирмы имѣютъ только склады въ Хайларѣ, а торговля ведется за нѣсколько сотъ верстъ.

Въ настоящее время хайларская жизнь рѣзко выдѣляется монотонностью, болотнымъ спокойствіемъ, лишь изрѣдка нарушаемымъ какимъ-нибудь случаемъ самоубійства, крупнымъ проигрышемъ и т. п. Цѣль жизни—грубое наслажденіе, отсутствіе высшихъ интересовъ, эгоизмъ и совершенное игнорированіе духовныхъ запросовъ низшаго класса, рабочаго люда. Наглядной иллюстраціей этого служить исторія хайларскаго желѣзнодорожнаго храма. Этотъ храмъ, выстроенный въ 1902 году, простоялъ неосвященнымъ 4 года. Первое время, по рассказамъ, заправилы общества рѣшили использовать это помѣщеніе церкви для сценическихъ цѣлей: танцевъ и т. п. Долго не могло продолжаться такое использованіе храма, такъ какъ охранники припугнули лицедѣевъ и любителей Терпсихоры очень энергично. Когда же больше нельзя было пользоваться помѣщеніемъ церкви, правда, не вполне отстроеннымъ, для вышеуказанныхъ, благородныхъ цѣлей, тогда пропала и всякая охота къ скорѣйшему окончанію постройки. Уже чрезъ годъ въ церкви обвалился

потолокъ. Кое-какъ подняли, поставили нѣсколько рядовъ столбовъ,—церковь оказалась загороженной... Послѣ долгаго ремонта къ Октябрю 1905 года церковь приняла свой надлежащій видъ.

Желѣзно-дорожный хайларскій храмъ выстроенъ по извѣстному типу церквей-школъ Китайской Восточной ж. д. Неизвѣстно, чья была идея постройки церквей-школъ на ж. д., но фактъ тотъ, что рѣдко когда еще случалось, какъ въ данномъ случаѣ, когда кабинетное измышленіе дало въ жизни такіе печальные и непоправимые результаты.

Для строителей же, несомнѣнно, такая идея была на-руку, по русской пословицѣ: „и дешево, и сердито“. При составленіи проэктвъ забыли о томъ, что церкви на линіи Кит. Вост. ж. д. должны обслуживать приходскія нужды, не считаясь съ тѣмъ, что церковь занята ежедневно цѣлый день школой. Это ненормальное положеніе побудило священниковъ К. В. ж. д. въ концѣ 1905 года подать особое заявленіе г. Управляющему дорогой съ ходатайствомъ объ отдѣленіи школы отъ церкви. Управление дороги, въ принципѣ признавая мотивировку ходатайства заслуживающею вниманія, увѣдомило, что скоро будетъ начата постройка отдѣльныхъ школьныхъ зданій. Хочется вѣрить, что скоро уладится этотъ вопросъ.

Какъ уже выше было замѣчено, Хайларская ж.—д. церковь была готова къ освященію еще въ Ноябрь 1905 года, о чемъ своевременно было доложено Благочинному церковей К. В. ж. д. Но начавшаяся забастовка выбила изъ нормальной колеи ходъ дѣлъ, вѣдѣствіе чего это дѣло—освященіе церкви—отерочилось на неопредѣленное время. И лишь въ Апрель мѣсяцъ сего года получено было распоряженіе отца Благочиннаго о назначеніи дня освященія церкви. По соглашенію о. Благочиннаго и причта церкви, днемъ освященія было назначено 22 Апрелья сего года. Это извѣстіе произвело радостное впечатлѣніе на черный рабочій людъ и совершенно холодно и безучастно было принято такъ называемой интеллигенціей.

Нужно было заранѣе подготовиться достойно къ этому великому и рѣдкому торжеству на далекой окраинѣ. Большую и незамѣнимую услугу въ дѣлѣ подготовки церкви къ освященію оказали помощникъ церковнаго старосты, фактической староста—артельщикъ Филиппъ Михайловичъ Крупенинъ. Больной, съ переломленной ногой, съ свойственной ему подвижностью и энергіей, онъ взялся за дѣло подготовки къ освященію храма съ любовью. Кромѣ Крупенина, много поработалъ и съ большой пользой смотритель зданій Теофиль Николаевичъ Осташевскій.

Прежде всего, на колокольнѣ былъ смѣненъ крестъ католической формы на нашъ православный. По совершеніи церковнаго чиноположенія, крестъ деревянный, снаружи оббитый цинковымъ желѣзомъ и забронзированный, былъ водруженъ на колокольнѣ. Чѣмъ-то роднымъ, близкимъ сердцу повѣяло на всѣхъ принимавшихъ участіе въ чиноположеніи церковномъ. Какъ только кончилась пасхальная недѣля, такъ и внутри храма закипѣла работа, прерываемая временно лишь занятіями въ школѣ. Весь храмъ былъ окрашенъ въ свѣтло-голубую краску, а стѣны алтаря окрашены розовымъ цвѣтомъ. Сразу стало въ церкви свѣтлѣй, веселѣй. Престоль и жертвенникъ изъ орѣховаго дерева были заготовлены гораздо раньше, но ко дню освященія пришлось и ихъ нѣсколько подправить, подчистить. Престоль сдѣланъ изъ высушеннаго орѣха, массивный. Между тѣмъ, корейцамъ были заказаны искусственные цвѣты, а особые мастера готовили нѣсколько десятковъ сажень гирляндъ изъ сосновой хвои. Въ четвергъ, 20-го Апрѣля, были убраны школьныя перегородки и началось убранство храма, какъ Христовой невѣсты, къ ея священному торжеству освященія. Видно было, что рабочіе съ большимъ удовольствіемъ приготавливали все, что требовалось, работали ночью и не обременялись. Да, съ радостію ожидался день освященія. Какъ чувствовалось тяжело, когда литургія совершалась въ неосвященномъ храмѣ. Какъ приходилось смущаться, когда прихожанами задавался вопросъ: а во имя кого наша церковь?

Большое затрудненіе испытывалось въ организациі хора пѣвчихъ. Все же, были собраны любители, которые—прямо поразительно—начали каждый день устраивать спѣвки.

По просьбѣ священника о. Архимандритомъ было сдѣлано заблаговременно объявленіе въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“. Кромѣ того, по всей западной линіи причтамъ церквей, Начальникамъ гарнизоновъ были разсланы печатныя объявленія съ приглашеніемъ «всѣхъ желающихъ принять молитвенное участіе въ этомъ рѣдкомъ и радостномъ торжествѣ на далекой окраинѣ нашего дорогого отечества». Въ Хайларѣ же мѣстные жители и служащіе дороги были увѣдомлены особыми объявленіями въ церкви и расклейкой этихъ объявленій на всѣхъ видныхъ мѣстахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Изъ X...

4-го мая ходилъ по приглашенію въ вагонъ къ инспектору Б. Въ начальническомъ тонѣ требовалъ составить записку о школьныхъ праздникахъ и учебникахъ и руководствахъ по Закону Божію,—последнее исполнилъ по присланному листу учительницей—дѣвой—Корнеевской, которую онъ прочитъ сдѣлать завѣдующей школой.

Б. высказался, что „школы поставлены во главѣ, а церкви допущены и считаются какъ домашнія“; что „благочинный и епископъ подчинены дорожному начальству“; что онъ вышлетъ инструкціи священникамъ—какъ законоучителямъ и членамъ школьныхъ совѣтовъ.

Военное начальство тоже требуетъ, чтобы служилъ я литургію въ 10 часовъ утра или позднѣе, чтобы являться имъ на парадъ въ 12 часовъ.—Изрѣдка имъ это устраивали, но выясняли, что по заведенному порядку и народъ привыкъ, чтобы литургія начиналась въ 9 часовъ, и что военнымъ нужно бы въ примѣръ другимъ усерднѣе посѣщать храмъ Божій, а не являться только къ многолѣтіямъ по окончаніи уже царскихъ молебновъ,—да и то очень рѣдко кто бываетъ съ нижними чинами... Претензій здѣсь не оберешься.—Думаю, по милости Божіей, все уляжется и направится къ лучшему и полезному намъ и имъ...

Изъ Харбина.

Божіей милостію исполнилось пламенное желаніе нашего возлюбленнаго брата о Христѣ Николая Изумрудова. Пятнадцать лѣтъ онъ стремился принять иноческій образъ и желаніе это было у него вполне чистосердечное, безъ всякой примѣси честолюбія.

По волѣ Владыки, Архимандриту о. Авраамію предписано было приготовить къ постригу брата Николая, и когда это было объявлено ему, то радости его не было предѣловъ. Онъ пришелъ ко мнѣ и съ радостью, восторгомъ, какого мнѣ до сихъ поръ не приходилось наблюдать у постригающихся, объявилъ о скоромъ принятіи монашескаго образа. Вотъ, отче, говорилъ онъ, 15 лѣтъ стремился я къ постриженію и, наконецъ, Господь сподобилъ дожидаться этой великой радости.

Все было приготовлено къ совершенію обряда за всенощной на 2-ое Іюля, послѣ Великаго Славословія. Николай Изумрудовъ былъ постриженъ въ монахи съ нареченіемъ имени Амвросія.

Народу въ церкви было не очень много. Когда вышли изъ алтаря со свѣчами въ рукахъ и пошли къ притвору, гдѣ стоялъ готовящійся къ постриженію, то народъ былъ удивленъ, такъ какъ обрядъ постриженія мало извѣстенъ народу; нѣкоторые двинулись за нами. При вопрошеніяхъ постригаемому и отвѣтахъ его многіе не могли удержаться отъ слезъ.

Больше всего меня тронула рѣчь о. Архимандрита. Вотъ, ты, говорилъ о. Архимандритъ, получилъ желаемое, къ чему стримился такъ долго. Несмотря на всѣ трудности, ты сохранилъ стремленіе къ великому обѣту: ты жилъ среди міра и его суеты, но ты крѣпко вѣрилъ, что получишь желаемое, что и сбылось тебѣ, по ходатайству преподобныхъ отцевъ Антонія и Θεодосія Кіевскихъ. Преподобный Антоній былъ посланъ со святой горы Аѳонской въ Россію для насажденія монашества, такъ и ты, принявъ на себя монашескіе обѣты здѣсь, въ чужой, языческой странѣ, долженъ помнить, что отнынѣ на тебѣ лежитъ не только монашескій, но и апостольскій подвигъ,—подвигъ проповѣданія Св. Евангелія язычникамъ, среди которыхъ живешь. Тебѣ предстоитъ борьба противъ козней діавола и ты долженъ твердо и увѣренно идти впередъ, не обращаясь вспять, ибо и Слово Божіе учитъ, что возложившій руку на рало и озирающійся назадъ неблагонадеженъ для Царствія Божія. Молись, трезвись, крѣпись, бодрствуй, оденься во всеоружіе Божіе, дабы противустоять всѣмъ кознямъ діавола. Прошу тебя, чадо, не смущаться соблазнами міра, но взирать на подвигоположника Христа и Его св. Апостоловъ, а также преподобныхъ Антонія и Θεодосія кіевскихъ и прочихъ преподобныхъ подвижниковъ. Тебѣ поручено нашимъ преосвященнѣйшимъ Владыкой Иннокентіемъ великое и отвѣтственное послушаніе, и ты исполняй его вѣрно и честно, помни, что послушаніе паче поста и молитвы. По его-же волѣ ты называешься въ новомъ ангельскомъ образѣ—Амвросіемъ. Да будетъ этотъ великій угодникъ Божій тебѣ помощникомъ и покровителемъ до послѣдняго твоего издыханія.

Настроеніе вновь постриженнаго о. Амвросія передалось и мнѣ, и я самъ ощущалъ какую-то необъяснимую радость и подъемъ духа. О. Амвросій пришелъ ко мнѣ въ алтарь и со слезами на глазахъ говорилъ: Воистину, со мной совершилась перемѣна, я чувствую себя новымъ человекомъ.

Жить монаху въ Харбинѣ очень трудно. Нельзя сравнить городскую жизнь съ жизнью въ пустынѣ. Сколько оскорбленій, сколько

соблазновъ въ міру, но вспомнимъ пословицу русскую, въ которой говорится: въ пустынь легко спастись, а ты спасись среди суеты мірской. Горе въ томъ, что мы слабые люди,—,въ міру соблазны, а въ пустынь скучно“, говорилъ мнѣ одинъ изъ монаховъ, путешествующій изъ монастыря въ монастырь. Я, однако, предпочитаю жить въ пустынь и боюсь, что жить въ міру для меня не по силамъ, почему я часто вспоминаю о Пейтайхо, какъ о своей любимой пустынь, гдѣ полагалъ провести монашескую жизнь; именно тамъ, по моему мнѣнію, можно найти прекрасное убѣжище для подготовки къ дѣятельности миссіонера и для изученія китайскаго языка. Я вѣрю и надеюсь, что нашъ добрый архимандритъ укажетъ намъ путь прохожденія миссіонерской дѣятельности, каждому по мѣрѣ его силъ.

Иеромонахъ Христофоръ.

ИЗЛОЖЕНІЕ СУЩНОСТИ КОНФУЦІАНСКАГО УЧЕНІЯ.

Нобрата Крыскаго.

Нравственное ученіе Конфуція.

*(Продолженіе)**

Главная цѣль нравственнаго Конфуціева ученія есть склонить всѣхъ людей къ чистосердечной и искренней любви ко всему роду человѣческому. „Любовь къ ближнему, которой я требую, любезный ученикъ, говоритъ Конфуцій, есть постоянное и съ разумомъ согласное расположеніе духа, съ которымъ человекъ, радѣя о собственныхъ выгодахъ и пользахъ, любить всѣхъ людей наипаче, какъ будто-бы они составляли съ нимъ вѣчто одно и то же, и потому имѣть съ ними одинаковыя чувствованія какъ въ счастіи, такъ и въ

* См. вып. 29-30-й.

несчастіи. Напримѣръ: благочестивый человѣкъ, желая взойти на высоту счастья, совѣтами своими, помощію и трудами ведетъ за собою и другихъ, которыхъ или незнатность породы поставила на низкой степени, или могущая рука превратнаго счастья свергла съ высоты. Равнымъ образомъ, желая самъ, какъ слѣдуетъ, постигать вещи, не терпитъ, чтобы другіе слѣпотствовали, или изнемогали подъ тяжестію трудовъ и неудобства; безъ испытанія ничего не оставляетъ, чѣмъ можно помочь имъ; и потому приводитъ ихъ въ состояніе быть такъ-же проникательными, преодолевать встрѣчающіяся трудности, и, наконецъ, пробиваться сквозь мракъ невѣжества и заблужденій. Сею любовію если будутъ воспламенены сердца смертныхъ; то весь свѣтъ будетъ наподобіе одного семейства, все люди будутъ представлять въ себѣ одного человѣка, и все вещи, по причинѣ удивительнаго взаимнаго порядка и союза, покажутся однимъ и тѣмъ-же существомъ. Итакъ, мы должны любить другихъ, какъ себя самихъ, выводить другихъ къ намъ расположеніе, слѣдовательно, должны желать имъ всего того, чего себѣ желаемъ“.

Конфуцій, требуя отъ людей любви ко всему роду человѣческому, повелѣваетъ, однако, любить родителей и родственниковъ преимущественнѣе предъ прочими. „До всехъ простирающаяся любовь не есть что нибудь внѣшнее для человѣка; она существенна его природѣ и врождена; она внушаетъ намъ, что всехъ любить должно; и потому любить есть дѣло человѣка; однако, любить родителей болѣе другихъ есть особенная и главная обязанность“. Несчастные имѣютъ также нѣкоторыя права, опредѣленные для нихъ. Да оказываетъ всякій состраданіе къ бѣднымъ, сиротамъ безроднымъ и всемъ злополучнымъ. Конфуцій повелѣваетъ, наконецъ, оказывать величайшее почтеніе престарѣлымъ. Онъ освобождаетъ стариковъ и дѣтей ихъ, въ старости ихъ пропитывающихъ, отъ тѣлеснаго за преступленія наказанія.

Когда должно къ другимъ имѣть любовь и почтеніе, то должно заслуживать и ихъ къ себѣ сіи чувствованія. Честное поведение есть надежнѣйшій способъ приобрѣтать оныя. А дабы сдѣлаться честнымъ, для сего надобно вникать въ самого себя и стараться, что-бы всякая мысль наша и всякое помышленіе были непорочны; ибо если того, что есть гнусно и незаконно, мы и въ помышленіи не имѣемъ; то предпринемъ-ли оное когда либо на самомъ дѣлѣ?

Лицемеріе есть порокъ ненавистнѣйшій. Тотъ, кто прикрывается однимъ видомъ добродѣтели, походить, по мнѣнію Конфуція, на того злодѣя, который днемъ показывается честнымъ человѣкомъ,

а ночью занимается разламываніемъ кладовыхъ и похищеніемъ имущества ближняго. Опасайся, говоритъ онъ, тѣхъ, которые учиняются скорѣе хвалителями добродѣтели, нежели ея послѣдователями. Не обманывайся ихъ учеными разсужденіями, которыя хотя бы можно было понимать за выраженіе души убѣжденной, они суть плодъ испорченнаго разума и выдуманнаго возбужденія сердца. Тѣ, кои говорятъ сильно и съ нѣкоторымъ родомъ чувствительности о смиренномудріи, о благѣ вообще, не всегда сами бываютъ въ томъ примѣрамъ.

Для точнѣйшаго отвращенія отъ лицемѣрія, Конфуцій присоединяетъ страхъ къ правилу. Онъ объявляетъ, что тщетно надѣются скрыться подъ пріятнымъ покровомъ, что злость, несмотря на старанія ей предавагося скрыть ее, впечатлѣваетъ на его лицѣ свойство внѣшнее, для простаго только человѣка непримѣтное, но никогда не сокрытое отъ мудраго, который со тщаніемъ разсматриваетъ существа имъ подозрѣваемаго положеніе, взоры, черты лица, удареніе голоса, способъ выраженій. Лицемѣръ иногда открывается предъ глазами примѣчательными чрезъ притворство, употребляемое имъ для сокрытія худыхъ своихъ дѣяній и для выказыванія добрыхъ; ибо притворный характеръ лицемѣра можетъ украшаться чуждымъ великолѣпнѣмъ и прельщающею внѣшностію; а истинная добродѣтель имѣетъ украшеніемъ токмо смиренномудріе, а не блистательные наряды; является хладнокровно и сердца, познавшія ее точно, не могутъ противиться ей прелестямъ и благополучію, которое она доставляетъ.

Воздержаніе, простота, въ одѣяніи благоприличность, изученіе наукъ, отвращеніе къ ласкателямъ, любовь къ посредственности, безкорыстіе, благоразуміе, постоянство, смиреніе, кротость суть обязанности, предписанныя Конфуціемъ. Не достойны называться людьми тѣ, которые, употребляя во зло средства, данныя намъ природою для утвержденія силъ нашихъ и сохраненія ихъ, препровождаютъ всю жизнь свою въ излишествѣ вина или стола. Да будетъ умѣренность въ столахъ вашихъ. Не украшайте платье красотою бесполезною и чуждою. Да будетъ благопристойность во всѣхъ поступкахъ вашихъ; важность есть покрывало мудрости; она ее сохраняетъ, а благопристойность, которая хотя можетъ быть иногда украшеніемъ и порока, есть природная красота добродѣтели. Учись наукамъ, люби изящныя искусства, пользуйся наставленіями древности; мудрость ея будетъ для тебя любезнѣйшею и ты приобрѣтешь друзей благонадежныхъ, которые споспѣшествовать и поддерживать тебя станутъ въ добродѣтели и во всѣхъ усовершен-

ствованіяхъ душевныхъ. Не вѣрь тѣмъ разсужденіямъ, которыя произносятся съ тономъ ласкательнымъ: они суть плоды лести и лжи. Не превозносися счастіемъ: надежнѣйшее благо есть въ посредственности, и сію то любить должно. Скупой, будучи самъ въ безпокойствіи, дѣлается для другихъ предметомъ страшнымъ и отвратительнымъ. Благоразуміе да управляетъ всѣми твоими дѣяніями. Какъ любовь сыновняя къ родителямъ состоитъ въ любви и почтеніи къ нимъ, такъ благоразуміе состоитъ въ познаніи людей. Незваніе тѣхъ, которыхъ должно убѣгать, и съ которыми связь имѣть полезно, производить не малое зло. Для узнанія людей добры-ли они или злы, по словамъ *Минг-цзы*, имѣть лучшаго способа, какъ смотрѣть на зрачекъ глаза; ибо зрачекъ глаза не можетъ скрывать порока, тащагося въ сердцѣ. Ежели сердце занято правотою, чистосердечіемъ и честностію, то примѣтно, что зрачекъ сіяетъ красивымъ и пріятнымъ свѣтомъ внутренней добродѣтели; напротивъ, ежели въ сердцѣ гнѣздится лукавство, злоба и подлость, то примѣтно, что зрачекъ помрачается темнымъ облакомъ внутренняго порока. Итакъ, для изслѣдованія и узнанія тайнъ человѣческаго сердца, не столько должно слушать произносимыя слова, сколько слѣдуетъ смотрѣть на зрачекъ глаза. Въ такомъ случаѣ никто не можетъ скрыть отъ взора нашего тайныхъ страстей или пороковъ, занимающихъ его сердце, какъ бы онъ о томъ не старался. Конфуцій же для узнанія другихъ, живущихъ съ нами, добры ли они или злы, предлагаетъ слѣдующій способъ: чтобы различить добрыхъ людей отъ злыхъ, говорить онъ, прежде всего замѣчай, что дѣлаетъ и съ какою цѣлію тотъ, котораго разумѣть хочешь? ибо нечестивцы почти всегда дѣлають то, что беззаконно и гнуено, а честные то, что достойно похвалы и праведно. Но поелику дѣла сіи не совсѣмъ суть точныя доказательства честности; то глубже вникай и примѣчай внимательнѣе конецъ всякаго дѣла, т. е. съ какимъ духомъ, съ какимъ намѣреніемъ дѣйствуетъ честно и праведно? Если онъ поступаетъ хорошо, но умышленно, притворно, съ худымъ намѣреніемъ, то его не надлежитъ включать въ число честныхъ. И на сей, однакожь, способъ еще не можетъ положиться тотъ, кто не желаетъ обмануться; ему надобно еще продолжать свое изслѣдованіе до тѣхъ поръ, пока не примѣтитъ, въ чемъ наиболѣе успокоивается тотъ, который по наружности представляется честнымъ человѣкомъ. Ибо если кто сообразуется закону съ добрымъ намѣреніемъ, но не очень охотно и какъ бы принужденно, такъ что можно думать, что его душа не въ честности и добродѣтели, а въ чемъ-то другомъ находитъ себѣ удоволь-

ствіе, то такового честность ни совершенною ни долговременною, какова бь, впрочемъ, ни была, почестъ не можно. Если кто будетъ дѣлать сіи наблюденія; то какъ могутъ отъ взора его скрыться свойства людей? какъ не проникнетъ онъ въ сокровенные изгибы ихъ сердце? конечно, легко и безпогрѣшительно онъ отличить правоту отъ нечистоты, добродѣтель отъ порока. Нѣтъ ничего такого, чего-бы не могло достигнуть постоянство. Сколько-бы тихо оно ни шествовало, уснѣхъ его извѣстенъ, потому что оно не теряетъ изъ виду своего предмета, и никогда не прерываетъ своихъ къ нему стремлений. Я могу всякій день приносить корзину земли. И если я то продолжаю, то наконецъ воздвигну гору. Да будутъ отъ насъ удалены тѣ дерзкіе люди, которыхъ дѣйствія противорѣчатъ ихъ словамъ, которые непрестанно похваляя благоразуміе, всегда поступаютъ гнусно. Не давай чувствовать высокаго твоего чина низшимъ, ни преимущества твоихъ заслугъ равнымъ, ни знатности твоего богатства тебя бѣднѣйшимъ. Помни, наконецъ, что наслаждающійся истиннымъ благополучіемъ показываетъ смиреніе, потому что онъ не ищетъ славы, но находитъ оную въ самомъ себѣ, въ глубинѣ своего сердца и въ собственной своей добродѣтели.

Какъ поступать велитъ Конфуцій съ тѣми, кои насъ обижаютъ и ненавидятъ, то можно видѣть изъ слѣдующаго: когда нѣкто спросилъ у Конфуція, за ненависть и обиды можно-ли платить благодареніями? Конфуцій отвѣчалъ: «кто поступаетъ такимъ образомъ, тотъ чѣмъ будетъ оплачивать за добро? Ибо почтеніе и возмездіе, коими должны мы услуживающему намъ, различествуютъ отъ почтенія и возмездія принадлежащихъ тому, кто вредитъ. Мое мнѣніе есть такое: обиды и ненависть вознаграждай справедливостію и правосудіемъ, но за благодаренія плати благодареніями же». Сіи слова Китайскій толкователь изъясняетъ такъ: я не буду помнить причиненной мнѣ обиды и почитать ее обидою; всю ея важность взвѣшу на вѣсахъ разума, дабы симъ образомъ могъ опредѣлить, что достойно любви, и что ненависти, чего должно удаляться и въ чемъ быть подражателемъ. Взвѣсивъ все сіе, если я найду, что причинившій мнѣ вредъ заслуживаетъ любовь по другимъ отношеніямъ, тогда за частное свое оскорбленіе, я не буду помрачать его славы и добродѣтели; когда же найду много справедливыхъ причинъ возненавидѣть его и отдѣлать отъ себя, тогда я буду повиноваться разуму, который научаетъ насъ ненавидѣть и искоренять злодѣйство. Вотъ должная расплата за ненависть; ибо сего требуетъ правосудіе.

О Мужествѣ.

Мужество есть духъ твердый и рѣшительный на всѣ трудности. Мужество есть готовое и скорое усиленіе къ разрѣшенію сомнѣній и препобѣжденію опасностей. Мужество есть двоякое: одно обыкновенныхъ людей, и происходитъ отъ пылкости и волненія въ крови; а другое свойственно героямъ, и управляемо бываетъ благоразуміемъ и справедливостію. Еще мужество раздѣляетъ Конфуцій на мужество народовъ южныхъ, которые по своей природѣ слабы; сѣверныхъ, которые—сильны, и наконецъ, мужей мудрыхъ, которые справедливы.

Дѣйствіе мужества есть рѣшительный приступъ къ дѣлу трудному, но справедливому. Мужъ храбрый не нападаетъ на непріятеля, если почитаетъ это несправедливымъ, хотя-бы легко могъ побѣдить его; напротивъ, если напасть на непріятеля почитаетъ справедливымъ, то безъ страха вступаетъ съ нимъ въ бой, хотя и видитъ, что побѣдить его трудно. *Минъ-цзи* говоритъ: «Учитель *Цзы-цзи* такъ нѣкогда наставлялъ ученика своего *Цзы-янъ*, который любилъ мужество: Любезный ученикъ! ты, какъ мнѣ кажется, уважаешь мужество; но тебѣ должно знать, что одно мужество есть низшаго класса людей, а другое героевъ. Мужество низкихъ людей происходитъ отъ волненія кипящей крови; а мужество героевъ управляемо бываетъ здравымъ разумомъ. Законы для геройскаго мужества, какъ я нѣкогда слышалъ отъ Конфуція, слѣдующіе: Если-бы я, при представившемся мнѣ случаѣ вступить въ сраженіе разсуждая самъ съ собою, узналъ, что несправедливо и незаконно вступить въ бой съ нападающимъ на меня непріателемъ, то не вступилъ бы съ нимъ въ бой, хотя-бы онъ былъ гораздо слабѣе меня. Изъ сего видно, что я не изъ страха избѣгаю вступить съ нимъ въ сраженіе. Напротивъ, ежели я, самъ съ собою разсуждая, увидѣлъ бы, что вступить въ сраженіе справедливо и законно, то безъ страха вступилъ бы въ бой, хотя-бы мои враги были въ десять кратъ многочисленнѣе противъ меня.»

Дѣйствіе мужества народовъ южныхъ есть побѣждать другихъ ласковымъ обхожденіемъ и терпѣніемъ; дѣйствіе мужества народовъ сѣверныхъ состоитъ въ силѣ и свирѣпствѣ; дѣйствіе мужества людей мудрыхъ состоитъ въ побѣдѣ самихъ себя и своихъ страстей; въ твердой и постоянной рѣшительности любить добродѣтель, и даже въ смутныхъ обстоятельствахъ не отступать отъ нея, хотя-бы то

стоило самой жизни, и наконецъ, въ томъ, чтобы по приобрѣтеніи достоинствъ и честей не измѣнять прежнихъ нравовъ. Сіе подтверждаетъ слѣдующій разговоръ Конфуція съ учениковъ его *Цзы-лу*. Ученикъ *Цзы-лу*, какъ былъ ратолубецъ отъ природы, думалъ, что истинное средство къ добродѣтели потому пренебрегаемо людьми, что они не имѣютъ мужества, и посему просилъ учителя своего Конфуція изъяснить ему: въ чемъ состоитъ мужество? «О какомъ мужествѣ спрашиваешь ты? сказалъ ему Конфуцій: о мужествѣ-ли южныхъ, или сѣверныхъ народовъ, или о мужествѣ васъ, учениковъ мудрости? Мужество, которымъ жители юга отличаются отъ жителей сѣвера, состоитъ въ томъ, чтобы благосклоннымъ и ласковымъ обхожденіемъ сердца людей покорять разуму; обиды, даже несправедливо причиненныя другими, переносить съ кротостію и терпѣніемъ и за оныя не мстить. И какъ въ сихъ случаяхъ ласковость, великодушіе и терпѣніе очень согласно съ здравымъ разумомъ; то такое мужество свойственно мудрымъ. Поелику-же сіе мужество происходитъ отъ слабаго и безсильнаго сложенія по самой природѣ, что само по себѣ есть недостатокъ; то оно не есть то мужество, которому должны слѣдовать вы, любезные мои ученика! Не устрашимо дѣйствовать копьемъ и мечемъ, спать на латахъ вмѣсто мягкой постели, видѣть всегда тысячи смертей предъ собою и ни мало не ужасаться, не скучать таковою жизнію,—вотъ мужество сѣверныхъ народовъ! Поелку-же сильные обыкновенно слѣдуютъ болѣе бурному стремленію кипящей крови, нежели тихому гласу здраваго разума, то такое мужество свойственно только сильнымъ. Но какъ съ симъ родомъ мужества, происходящаго отъ крѣпкаго по природѣ сложенія сѣверныхъ жителей, много соединено бываетъ безразсудства, то оно не есть то мужество, каковаго я отъ васъ требую. Мужъ мудрый не въ томъ полагаетъ мужество, чтобы одерживать побѣды надъ другими, но въ томъ, чтобы побѣждать себя самаго и свои страсти. Онъ, всегда помышляя о побѣдѣ надъ самимъ собою, измѣняется, принаравливаясь къ качествамъ и уморасположенію другихъ; но при всемъ томъ, какъ властелинъ надъ собою, не теритъ, чтобъ разслабили его и исказили дружба и примѣры нерадивыхъ и роскошныхъ, и не сообразуется съ ними во всемъ,—безъ различія; вотъ истинное мужество! Находясь среди другихъ совратившихся съ прямого пути, онъ одинъ стоитъ на ономъ неподвижно и не уклоняется: вотъ истинное мужество! Когда въ государствѣ процвѣтають добродѣтель и законы, то онъ, достигши высокаго достоинства и великихъ почестей, не смѣняетъ ни прежнихъ нравовъ, ни того образа жизни, какой имѣлъ, будучи простымъ, и тщетно не

напыщается: вотъ истинное мужество! Если въ государствѣ добродѣтель пренебрежена, законы оставлены, государственное правленіе находится въ неустройствѣ; то онъ, будучи угнетаемъ убожествомъ, поражаемъ несчастіями и угрожаемъ смертію даже, ни сколько не перемѣняется, постоянно держась предпринятаго намѣренія сохранять добродѣтель: вотъ истинное мужество! Итакъ, любезные ученики, на мѣсто мужества, свойственнаго жителямъ юга и сѣвера, сей желаю и ожидаю отъ васъ.

Конфуцій не презираетъ военной храбрости, однакожь, поставляетъ оную ниже справедливости и правосудія. Когда *Цзы-лу* спросилъ Конфуція: благородный человѣкъ не храбрости-ли больше даетъ преимущество? Конфуцій отвѣчалъ: благородный человѣкъ не храбрости, но справедливости и правосудію даетъ преимущество. Если мужъ степенный и знатный будетъ крѣпокъ по душѣ и по тѣлу; и, между тѣмъ, выступитъ изъ предѣловъ разума и праводѣтельности: то онъ легко подастъ причину къ величайшимъ неустройствамъ; равно какъ и низкіе люди, отъ природы крѣпкіе, но не имѣющіе правоты, сей управительницы силъ, безъ дальняго затрудненія начнутъ производить грабежи и хищенія.

Философъ желаетъ, чтобы храбрость была вовсе удалена отъ безразсудства, о которомъ говорить, что оно рѣдко служило для пользы, весьма часто для вреда, и никогда для чести. На вопросъ ученика *Цзы-лу*: если военачальникъ поведетъ три корпуса войска (въ древности удѣльные князья 1-й степени имѣли право содержать три корпуса войскъ), то кого-бы дозволилъ онъ принять къ себѣ въ сотоварища?—Конфуцій, чтобы обуздать запальчивый и бранный духъ ученика, говорить такъ: «я со мною вести войско тому-бы не дозволилъ, который безъ оружія и безъ всякой защиты устремляется на неукротимаго тигра, который безъ корабля или безъ судна пускается въ пространную и быструю рѣку; также, который устремляется на тысячу смертей, и между тѣмъ вовсе никакого не чувствуетъ страха. Ибо безразсудство рѣдко служило въ пользу, весьма часто во вредъ, а въ честь никогда. Правда, нужна смѣлость въ трудныхъ обстоятельствахъ; но когда открывается очевидная и внезапная опасность, тогда паче всего должно быть осмотрительну и осторожну. При всемъ томъ, я бы лучше желалъ такого, который и въ подвигахъ своихъ не ослабѣваетъ, и старается предузнавать будущее такъ, чтобъ нѣсколько прежде предугадывать могущее случиться съ той или другой стороны.

Послѣднія слова ведутъ насъ къ благоразумію, которое философъ поставляетъ въ осмотрительномъ разсужденіи и обзорѣніи

вещей, въ предугаданіи будущихъ случаевъ, въ тщательномъ, и иногда скрытномъ, примѣненіи совѣтовъ къ пользѣ общей. Есть пословица: «Если проницательность очей твоихъ не будетъ прости- раться далѣе тысячи стадій, тогда бѣдствіе будетъ преслѣдовать тебя за столомъ и на постелѣ». Кто не говоритъ: какимъ образомъ можно сіе учинить, какимъ образомъ то, я не знаю, какъ поступить съ тако- вымъ: это есть погибшій человѣкъ.

О сущности благоразумія даетъ понятіе чрезъ сіе изреченіе: «разъ и другой благовременно досудить о чемъ-либо не неприлично; впоследствии не нужно будетъ долго медлить и размышлять, дабы излишнимъ мудрствованіемъ не погрѣшить противъ правилъ благо- разумія».

О различныхъ видахъ благоразумія, примѣняемаго къ различ- нымъ положеніямъ общества, Конфуцій говоритъ въ слѣдующемъ знаменитомъ примѣрѣ.—*Нинг-у-цзы*, Министръ въ удѣльномъ княже- ствѣ *Вэй*, отъ всѣхъ признается благоразумнымъ, когда въ государ- ствѣ процвѣтають законы. Если же въ государствѣ разрушается порядокъ, и оно отъ неурядицы начинаетъ клониться къ паденію; то онъ, устранившись отъ бури и скрывшись отъ очей народа, благо- разумными своими совѣтами не перестаетъ поддерживать бѣдству- ющее отечество. Но какъ онъ дѣлаетъ сіе въ-тай, то почитается глупымъ, робкимъ и къ правленію вовсе неспособнымъ. А я такъ рассуждаю, что въ благоразуміи, которымъ онъ во время мирное славится, удобно можетъ найтиса ему равный и подражатель; но въ мудрой его глупости, среди общественныхъ возмущеній назидую- щей собственное и общее благоденствіе, сравнятся могутъ весьма рѣдкіе, и не иначе, какъ чрезъ величайшій трудъ.

Необходимыми спутниками благоразумія Конфуцій поставля- етъ во-первыхъ внутреннюю добродѣтель; потомъ важность и власть; наконецъ, соглашеніе всѣхъ дѣйствій съ концемъ. Приобрѣтен- ное благоразуміемъ, говоритъ онъ, если посредствомъ внутренней добродѣтели сохранить не можешь, то хотя ты и получилъ, безъ сомнѣнія, лишисья. Положимъ, что ты благоразуміемъ своимъ снискалъ что-нибудь, и силенъ снисканное соблюсти помощію внут- ренней добродѣтели; но если также къ законному правленію не присоедиишь важности и повелительности, то подданные не будутъ тебя уважать. Положимъ, что чего-нибудь ты достигъ чрезъ благо- разуміе, и можешь удержать оное въ своихъ рукахъ, также съ законнымъ правленіемъ соединяешь важность и власть; но не поощ- ряя подданныхъ приличнымъ и надлежащимъ образомъ, еще не достигнешь предположеннаго конца.

Онъ нѣсколько разъ одобряетъ послѣднюю часть, и столько ей приписываетъ, что безъ нее, по мнѣнію его, всѣ добродѣтели опорочиваются! «Любезный мой ученикъ Ю! говоритъ философъ, слыхаль-ли ты когда о названіяхъ шести наилучшихъ добродѣтелей? Также о именахъ шести слабостей или пороковъ, помрачающихъ оныя добродѣтели?» Ученикъ, вставъ съ мѣста, отвѣтствовалъ: нѣтъ еще не слыхаль. «Итакъ, стой-же, говоритъ Конфуцій, я скажу тебѣ. Кто за удовольствіе считаетъ дружески всякаго принимать въ объятія свои и оказывать ему услуги; но между тѣмъ, не любитъ научиться, какое должно быть употребленіе благотворительности; тотъ порокомъ, въ который претворится самая добродѣтель его, будетъ имѣть скудоуміе и слѣпоту; ибо слѣпымъ стремленіемъ доброжелательства, какъ вѣтромъ, увлекаемый, благодѣтельствуешь безъ разсужденія, безъ всякихъ правилъ. Кто любитъ познаніе истины, а не любитъ научиться изслѣдовать все и совѣтоваться: тотъ порокомъ будетъ имѣть перѣшимость и неизвѣстность духа волнующаго. Кто любитъ постоянно быть вѣренъ въ словахъ и договорахъ; а, между тѣмъ, не научается, какъ и гдѣ быть таковымъ: того порокомъ будетъ частое и сильное огорченіе со вредомъ собственнымъ, или со вредомъ другихъ. Кто любитъ справедливость и искренность, а хитрость, коварство и все вымышленное и притворное ненавидитъ; со всѣмъ тѣмъ, не любитъ научиться, какой такъ-же и здѣсь должно наблюдать порядокъ: того порокомъ будетъ сжатый разсудокъ и ссоры неудоборѣшимыя, въ которыя его, слишкомъ откровеннаго и незнающаго въ случаѣ притвориться, ввергнуть, какъ собственная простота, такъ и чужой обманъ. Кто любитъ дѣйствовать мужественно и все переносить великодушно; но между тѣмъ не любитъ научиться, гдѣ и какимъ образомъ сію добродѣтель употреблять: тотъ можетъ сдѣлаться возмутителемъ и измѣнникомъ въ обществѣ. Кто любитъ несокрушаемую твердость и постоянство духа; а между тѣмъ не любитъ научиться, гдѣ, когда, какимъ образомъ и съ коликою умѣренностію надлежитъ употреблять сію способность: тотъ опорочитъ себя глупостію и безразсудствомъ».

О страстяхъ.

Страсть есть движеніе сердца или души, возбужденное предметомъ, чувствамъ подлежащимъ. Какъ вода приводима бываетъ въ движеніе вѣтромъ, или чемъ-либо другимъ; такъ и душа наша при-

водима бываетъ въ движеніе предметами, чувствамъ подлежащими. Сіе движеніе происходитъ съ нѣкоторою перемѣною въ самомъ тѣлѣ.

Причина, или источникъ, изъ котораго происходятъ страсти, есть сердце. Предметъ, возбуждающій ихъ, есть чувствамъ подлежащая вещь. Какъ вода, пока чѣмъ не бываетъ приведена въ движеніе или волненіе, сама по себѣ есть спокойна и, подобно зеркалу, гладка, такъ и сердце наше, прежде движенія въ немъ страсти, бываетъ совершенно спокойно. Всѣ люди, какъ мудрые, такъ и глупые имѣютъ страсти; но мудрые не допускаютъ ихъ внутри себя усиливаться, а глупые допускаютъ. Страсти сами по себѣ суть ни хороши, ни худы, а дѣлаются таковыми по хорошему или худому ихъ употребленію. Онѣ бываютъ худы, когда сердце наше, ими увлеченное, обнаруживается въ дѣйствіяхъ, противныхъ здравому разуму и справедливости. Хороши, когда сердце наше, будучи ими приведено въ движеніе или тронуту, слѣдуя справедливости и гласу здраваго разума, не выступаетъ изъ предѣловъ умѣренности. И сіе называется совершеннымъ согласіемъ страстей съ разумомъ, которое согласіе есть общій для всѣхъ прямой путь, ведущій къ добродѣтели.

Китайцы полагаютъ только семь страстей, каковы суть: радость, печаль, гнѣвъ, боязнь, любовь, ненависть и желаніе. Иногда относятъ ихъ къ четыремъ страстямъ, а именно: къ радости, гнѣву, печали и желанію. Поселику-же любовь заключается въ радости, ненависть въ гнѣвѣ, боязнь въ печали, посему нѣкоторые относятъ ихъ только къ двумъ страстямъ, разумѣя подъ ними прочія страсти, т. е. или къ радости и гнѣву, или къ желанію и отвращенію.

Дѣйствія страстей суть слѣдующія: если духъ нашъ при встрѣтившемся обстоятельстве съ умѣренностію употребляетъ страсти и послѣ сего тотчасъ ихъ оставляетъ; то не бываетъ ими заражаемъ, подобно чистому зеркалу, которое не занятывается предметами въ немъ изображающимися. Но если духъ нашъ употребляетъ страсти гдѣ не слѣдуетъ, или хотя и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должно употреблять оныя, но неумѣренно, и допускаетъ ихъ, чтобы онѣ производили въ немъ возмущеніе; тогда, какъ чистое зеркало, отъ насѣдающей на него пыли или грязи, тускнеть; такъ и духъ нашъ, отъ возмущенія, производимаго въ немъ страстями, теряетъ свою чистоту и правоту.

Всѣ люди, до возмущенія въ себѣ страстей, сохраняютъ доброту, Небомъ въ нихъ вліянную, которая доброта есть правильное чувство любви и справедливости. Когда съ возрастомъ начинаетъ открываться въ насъ дѣйствіе страстей; то если онѣ управляемы

бываютъ здоровымъ разумомъ, оная врожденная доброта усовершеняется въ добродѣтеляхъ; если-же страсти не бываютъ управляемы здоровымъ разумомъ; то врожденная доброта обезображивается пороками. И отсюда-то происходитъ нравственность и безнравственность въ нашихъ поступкахъ.

Для управленія своими страстями, человекъ долженъ тщательно примѣчать за тѣми первыми и непримѣтными движеніями души, которая только ему одному ощутительна, а другимъ неизвѣстна, дабы онѣ не совратили его съ пути, ведущаго къ добродѣтели. Онъ долженъ собирать свой духъ, утверждать мысль въ истинѣ. Стараться, дабы внутренняя правота сердца побѣждала худыя и порочныя желанія чувствъ, подобно какъ вода погашаетъ огонь. Въ семъ случаѣ не долженъ, однако, поступать такъ смѣнно, какъ тотъ человекъ, который, увидѣвъ большой пожаръ, тотчасъ на оный вылилъ бы малый сосудъ воды, но, не потушивъ огня, остановился-бы, говоря: вода не можетъ потушить огня. Благороднѣйшую часть души должно безпрестанно и съ постояннымъ трудомъ и усиленіемъ образовывать и укрѣплять въ добродѣтели.

Человѣку въ юность, когда кровь и жизненные силы еще слабы, должно воздерживаться отъ любострастія; въ возмужалости, поелику тогда кровь и жизненные силы получаютъ крѣпость, должно удаляться ссоръ; въ старости, когда кровь и жизненные силы мало-по-малу теряютъ крѣпость, должно беречься корыстолюбія и жадности.

Объ отношеніяхъ человекъ въ различныхъ состояніяхъ.

Въ книгѣ *Чжунъ-юнгъ* Конфуцій говоритъ, что люди связуются десятью взаимными отношеніями, на которыхъ основываются связи общества. Сіи отношенія суть слѣдующія: отношенія между Государемъ и поданнымъ, отцомъ и сыномъ, мужемъ и женою, старшимъ и младшимъ братьями и, наконецъ, взаимныя отношенія друзей. Благоразуміе въ различеніи добра отъ зла, любовь безъ исключенія ко всемъ, непоколебимость въ добрѣ, и въ удаленіи и непримиримой ненависти ко злу,—суть общія и главныя добродѣтели свѣта, служація средствомъ къ выполненію сказанныхъ десяти отношеній. А одушевляющее сіи добродѣтели есть нѣчто одно, именно:

постоянная и непритворная твердость сердца, истина и правота. Ибо если какая изъ добродѣтелей происходитъ отъ сердца притворнаго и лживаго, то должно почитать ее не за добродѣтель, но за порокъ.

Усовершенать свои добродѣтели, уважать мудрыхъ и честныхъ людей; почитать и любить родителей, отличать и дорожить дальновидными министрами и градоправителями; всѣхъ прочихъ чиновниковъ считать своими членами; весь народъ любить, какъ своихъ дѣтей; вызывать и собирать какъ можно больше художниковъ всякаго рода; милостиво и ласково принимать пришельцевъ и пословъ иностранныхъ владѣній, (здѣсь подъ иностранными владѣніями разумѣются Удѣльныя Княжества, на которыя во время Конфуціево Китай былъ раздѣленъ), и имъ покровительствовать; всѣхъ подвластныхъ владѣтелей, содержать въ предѣлахъ ихъ должности; вотъ первыя правила, предписанныя Конфуціемъ Государямъ, по которымъ они бывають достойны царскаго величія. Государь, соблюденіемъ всѣхъ вышесказанныхъ правилъ, множество выгодъ доставить своему Государству. Ибо ежели онъ усовершитъ себя въ добродѣтеляхъ, то всѣ подданные послѣдуютъ его примѣру и будутъ вести добродѣтельную жизнь. Ежели будетъ уважать мудрыхъ, и пользоваться ихъ совѣтами; то, конечно, не будетъ колебаться и запутываться ни въ какомъ дѣлѣ. Ежели будетъ любить родныхъ и родственниковъ; то они не будутъ ни завидовать, ни жаловаться, и начнутъ единымъ духомъ защищать его достоинство и богатства. Ежели будетъ уважительно обращаться съ вельможами; то при встрѣчѣ важныхъ дѣлъ и трудныхъ обстоятельствъ, съ помощію ихъ важности, власти и благоразумія въ состояніи будетъ ясно знать, что должно постановить, что предпринять и что дѣлать. Ежели всѣхъ прочихъ градоправителей и чиновниковъ будетъ считать членами своего тѣла; то сіи, дабы явить себя благодарными за таковыя его милости и благоволеніе, будутъ напрягать всѣ силы исполнять свою должность какъ слѣдуетъ. Ежели будетъ любить народъ, какъ своихъ дѣтей; то и народъ будетъ воодушевленъ взаимною любовію къ нему, какъ къ отцу. Ежели вызоветъ въ свое Государство множество художниковъ всякаго рода художествъ; (разумѣется, что изъ удѣльныхъ владѣній, а не изъ чужихъ Государствъ) тогда довольно будетъ вещей потребныхъ для общаго употребленія. Ежели ласково и благосклонно будетъ принимать пришельцевъ и пословъ иностранныхъ Государствъ; то многіе изъ четырехъ странъ свѣта стекутся къ нему, и за удовольствіе сочтутъ находиться подъ его скипетромъ и ему служить. Ежели всѣхъ подвластныхъ ему владѣтелей будетъ держать въ предѣлахъ

ихъ обязанности; то они будутъ и уважать его величіе, и бояться его власти.

Конфуцій, исчисливъ плоды сказанныхъ правилъ, показываетъ и способъ осуществлять правила, говоря: Государь, дабы усовершенить свои добродѣтели, прилежно да соблюдаетъ законами предписанное воздержаніе, да уважаетъ цѣломудріе, да одѣвается въ скромное и важное одѣяніе, да не позволяетъ себѣ дѣлать что-либо неблагопристойное и безчестное. Дабы привязать къ себѣ мудрыхъ, да удаляетъ отъ себя подлыхъ льстецовъ и клеветниковъ, да отвергаетъ приманчивыя красоты, да отвращаетъ слухъ свой отъ очаровательнаго гласа любви, богатства да считаетъ малостию и добродѣтель дорого да цѣнитъ. Дабы пріобрѣсть себѣ любовь своихъ родныхъ и родственниковъ, да уважаетъ ихъ благородство, да дополняетъ ихъ частные доходы царскимъ своимъ жалованьемъ, да любить и ненавидить то, что они любятъ и ненавидятъ, да не лишаетъ ихъ достоинства безъ важной причины, да возводитъ ихъ въ такіе чины и возлагаетъ на нихъ такія дѣла, которые соразмѣрны ихъ силамъ и способностямъ. Дабы дать средство высшимъ властелинамъ къ успѣшному оправленію своихъ должностей; да подчиняетъ имъ довольное число низшихъ чиновниковъ, которымъ-бы они могли поручать дѣла меньшей важности. Дабы заставить всѣхъ прочихъ градоправителей и чиновниковъ исполнять порученныя имъ должности, какъ слѣдуетъ; да поступаетъ съ ними милостиво и благосклонно, и да велитъ производить имъ щедрое жалованье. Дабы пріобрѣсть себѣ любовь отъ всего народа; то да занимается его Государственными работами во время свободное (то есть не тогда, когда народу надобно заниматься воздѣлываніемъ земли или собираніемъ хлѣба), и да взимаетъ съ него легкія подати и пошлины. Дабы поощрить художниковъ всякаго рода художествъ къ тщательной дѣятельности; да повелѣваетъ ежедневно смотрѣть и ежемѣсячно свидѣтельствовать ихъ работы и выдавать имъ плату и содержаніе, соответствующія ихъ искусству и прилежанію. (Разумѣется дворцовымъ художникамъ). Ежели желаетъ благосклонно поступать съ пришельцами, странниками и послами иностранныхъ владѣній; то, когда отъѣзжаютъ, да отпущаетъ ихъ съ должною честью, и щедро наградивъ; когда пріѣзжаютъ, ласково и милостиво да пріемлетъ ихъ, отдавая всю должную честь и похвалу высокими дарованіямъ тѣхъ изъ нихъ, кои ими украшены, поручая каждому изъ нихъ должность, соответствующую его способностямъ и знаніямъ, а о слабости обиженныхъ природою, сожалѣя. Дабы удѣльныхъ владѣтелей удержать въ границахъ повиновенія; то

мѣсто и достоинство тѣхъ, которые умерли, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ, да предоставляетъ всегда однокровнымъ и однофамильцамъ ихъ; дѣтей и внуковъ тѣхъ, которые мятежами или войною лишены Царствъ и жизни; да возводитъ на отеческій престолъ, да обучаетъ ихъ наукѣ правленія, да усмиряетъ бунты, да погашаетъ войны, да устраняетъ угрожающія опасности и, наконецъ, да повелѣваетъ, чтобы всѣ находящіеся подъ его покровительствомъ владѣтели исполняли подданническій долгъ въ положенныя времена; т. е. чтобы ежегодно присылали одного чиновника низшей степени, въ каждое трехлѣтіе одного-же чиновника высшей степени, въ каждое-же пятилѣтіе пріѣзжали-бы сами, какъ для возданія подданническаго почтенія, такъ и для представленія вещей, потребныхъ при жертвоприношеніяхъ предкамъ. Отъѣзжающихъ да отпускаетъ, великолѣпно угостивъ и щедро наградивъ; отъ пріѣзжающихъ не съ жадностію, но съ царскою умѣренностію да принимаетъ немногія дароприношенія.

Конфуцій еще обращается къ Государямъ и совѣтуетъ имъ: не отвергать отъ себя мужей древнихъ и знатныхъ фамилій, безъ важной причины. Которые изъ нихъ способны къ отпращиванію Государственныхъ должностей, на тѣхъ возлагать оныя; но и неспособнымъ позволять пользоваться ихъ преимуществами за заслуги ихъ предковъ. Имѣть ясную прозорливость для познанія состоянія Государственныхъ дѣлъ; благосклонность и ласковость для снисканія себѣ общей любви; правосудіе для соблюденія Государственныхъ законовъ; скромную важность для пріобрѣтенія себѣ уваженія; опытную мудрость для различенія порока отъ добродѣтели, лжи отъ истины, притворства отъ искренности; оказывать вспоможеніе всѣмъ тѣмъ, коихъ угнетаютъ убожество, сиротство, гладъ, вдовство и другія сѣмъ подобныя бѣдствія. Возводитъ на достоинство и опредѣляетъ къ Государственнымъ должностямъ людей добродѣтельныхъ и имѣющихъ къ тому нужныя способности. Не щадитъ, чтобы въ Государственной казнѣ никогда не было недостатка, повелѣвая всѣмъ заниматься дѣлами полезными обществу; сокращая излишнія издержки; запрещая земледѣльцевъ занимать Государственными работами при наступленіи способнаго для хлѣбопашества времени; наблюдая въ расходахъ такую умѣренность, что-бы отъ трехлѣтняго сбора податей, подати одного года всегда оставались въ остаткѣ для будущихъ годовъ. Отвращать подданныхъ отъ пороковъ болѣе своимъ примѣромъ, нежели наказаніями. Не требовать того, что-бы одинъ человѣкъ въ состояніи былъ понести всѣ тяжести общественныя; но благоразумно возлагая на каждого бремя,

соразмѣрное его силамъ, поступать съ подданными не иначе, какъ съ сосудами, каждаго изъ нихъ употребляя къ тому, къ чему онъ способенъ.

Конфуцій совѣтуетъ Государямъ избѣгать слѣдующихъ четырехъ слабостей: не учить подданныхъ своихъ обязанностямъ въ отношеніи къ цѣлому Государству и къ каждому гражданину, а между тѣмъ, если они преступаютъ что, тотчасъ истязывать сихъ несчастныхъ и безъ пощады умерщвлять, значить тиранствовать. О работѣ общественной не дать напередъ знать подданнымъ и нѣкоторымъ образомъ не предуготовить ихъ, чтобъ она успѣшно была окончена, но нечаянно обременять ихъ и хотѣть во мгноvení ока видѣть исполненіе предписанія, ни малѣйшаго не дая имъ роздыха и жестоко наказуя всякую медленность, означаетъ безчеловѣчное насиліе. Прежде велѣть подданнымъ медленно и неспѣшно производить дѣло, а потомъ вдругъ понуждать съ крайнею строгостію и лютостію, значить быть бичемъ своихъ подданныхъ. Наконецъ, быть любостыжателю въ то время, когда надобно что-нибудь давать другимъ, на примѣръ: или выдавать солдатамъ заслуженное ими жалованье, или платить художникамъ за ихъ работу, или производить кого въ чины и проч., въ сихъ случаяхъ представлять въ себѣ чловѣка то раздающаго медленною и принужденною рукою, то опять къ себѣ отбирающаго свои дары, значить выказывать неумѣтную свою скупость.

Вѣрность, любовь и уваженіе къ Государю безпрекословное повиновеніе ему во всемъ, что согласно съ закономъ Неба и внушеніемъ здраваго разума, готовность жертвовать для Государя не только имѣніемъ, но и жизнію, когда-бы то ни потребовалось,—вотъ долгъ, предписываемый Конфуціемъ всѣмъ подданнымъ вообще.

Что-же касается до чиновниковъ, то Конфуцій, кромѣ сказанныхъ добродѣтелей, требуетъ отъ нихъ, что-бы они были важны и благоговѣйны, говорили основательно, тихо и ласково;—обращались благосклонно и важно;—любя кого, не не знали его пороковъ; ненавидя кого, знали его совершенства;—никогда не принимали похвалъ, себѣ не принадлежащихъ;—о извѣстныхъ своимъ добродѣтельнымъ поведеніемъ всегда отзывались съ уваженіемъ и во всякое время отдавали имъ преимущество предъ собою, въ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ ограничивались-бы благопристойностію;—собирая богатство, знали употреблять его на добрыя дѣла;—искали пользы праведными способами;—видя богатство и опасности, не желали незаконнымъ образомъ первое пріобрѣсть, а вторыхъ избѣжать;—въ спорѣ искали не преодолѣнія, но истины;—при раздѣлѣ старались

получать слѣдующее, а не больше слѣдующаго;—въ сомнѣніи не опредѣляли, въ предположеніи не утверждали;—на лицѣ показывали искренность и правосудіе;—неукоснительно и ревностно исполняли Государевы повелѣнія; заботливо пеклись о доставленіи подчиненному имъ народу пользы и выгоды, отвращая все то, что можетъ ему нанести вредъ;—въ судѣ строго наблюдали правосудіе;—будучи ко всѣмъ безпристрастны, никому не потворствовали и ни съ кѣмъ не поступали жестоко, нежели сколько требуетъ правосудіе;—избѣгали гордости и презрѣнія къ другимъ;—воздерживались отъ распутства, сладострастія, упорства въ своемъ мнѣніи, неприличія въ рѣчахъ, запальчивости, перемѣны подлинниковъ, поддѣльванія печатей; и наконецъ, внушали бы вѣрными ихъ смотрѣнію слѣдующее: отцу къ дѣтямъ (подъ дѣтьми разумѣются одни сыновья) справедливость, а матери ласковость къ нимъ; старшему брату дружелюбіе и доброжелательство младшему брату, а сему уваженіе къ старшему брату; дѣтямъ повиновеніе родителямъ; мужу и женѣ взаимную другъ къ другу любовь и вѣрность; отрокамъ заниматься ученіемъ; сосѣдямъ дѣлать другъ къ другу взаимное вспоможеніе на совершеніе браковъ и похоронъ; земледѣльцамъ тщательно заниматься земледѣліемъ, ремесленникамъ—ремеслами; а всѣмъ вообще и каждому порознь внушали бы отвращеніе къ лѣности, пьянству, распутству, обманамъ, притѣсненіямъ, сеорамъ, дракамъ и тяжбамъ.

Конфуцій желаетъ, что-бы всякій изъ призываемыхъ къ отправленію государственныхъ должностей обладалъ нужными для сего способностями, и потому требуетъ, чтобъ, еще въ частной жизни находясь, приучали себя къ дѣятельности, и снискивали нѣкоторый навыкъ къ ней; а опредѣлившись къ должности, на дѣлѣ бы показывали свои дарованія. Кои не чувствуютъ въ себѣ силъ, довольныхъ къ исполненію поручаемой должности, тѣмъ философъ совѣтуетъ отказываться отъ предлагаемой имъ чести.

Способными къ отправленію государственныхъ должностей Конфуцій признаетъ тѣхъ, кои не запальчивы; которые, занимаясь неважными предметами, не забываютъ важныхъ; рѣшительность не мелительна и не робка въ своемъ ходѣ, но быстра и тверда; кои одарены дальновиднымъ и глубоко проникающимъ умомъ; кои искусство испытанно, а разумъ ко всѣмъ дѣламъ способенъ; кои снискали постоянный навыкъ быть дѣтельными и не опрометчивыми.

Министру, занимающему первое мѣсто при Государѣ, Конфуцій предписываетъ: не поощрять Государя къ приобрѣтенію богатства неправеднымъ образомъ и къ веденію неправедныхъ войнъ. Подавать собою Государю и народу примѣръ добродѣтельной жизни. Ежели не

можетъ служить Государю, велятъ законъ и здравый разумъ безъ ропота отказываться отъ должности. Послуживши одному Государю, не переходить къ другому. Когда Государь уклонится отъ праваго пути, совѣтовать ему обратиться къ своему долгу. Тотъ, говоритъ философъ, не министръ, который не хочетъ своими совѣтами обратить взоръ Государя на его долгъ. Пусть въ семъ случаѣ Государь будетъ невнимателенъ, но внимлетъ отечество, внимлетъ потомство; лучше умереть, нежели своею скрытною и притворною политикою сдѣлаться преступникомъ предъ Государемъ и отечествомъ. Но надобно помнить, что совѣты должны быть предлагаемы со скромностію, иначе они будутъ оскорбительны для Государя. Прежде всего надобно стараться, чтобъ Государь былъ увѣренъ въ приверженности къ себѣ совѣтующаго. Когда онъ сомнѣвается въ оной, тогда его сердце останется каменнымъ ко всѣмъ его увѣщаніямъ.

Теперь слѣдуютъ должности, предписанныя Конфуціемъ родителямъ и дѣтямъ.

Конфуцій о должностяхъ родителей, хотя кратко, но много предписываетъ. Вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ собою представлять дѣтямъ примѣръ добродѣтели, и по слѣпой любви не снисходить ихъ порокамъ, а исправлять ихъ и учить. Родителямъ повелѣваетъ философъ увѣщевать дѣтей убѣгать слѣдующихъ пороковъ: наносить поведеніемъ безславіе своимъ предкамъ, расточать имѣніе дома, помрачать свою славу и вредить своему здоровью, искать постыдныхъ увеселеній, ненавидѣть трезвость и воздержаніе, увеселяться шуточными и забавными рѣчами, услышавши о порокахъ другихъ, разглашать ихъ, презирать изрѣченія и нравы древнихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей, бѣгать ученыхъ, нерадиво заниматься своими дѣлами, любить пышность въ платьѣ, имѣть страсть къ играмъ и пиршествамъ. Отецъ долженъ учить своего сына не самъ, а отдавать его для образованія другому. Когда дѣти сдѣлаютъ какое преступленіе, то родители не должны вдругъ восплаяться гнѣвомъ противъ нихъ; но съ любовію и терпѣніемъ должны ихъ наставить. Ежели дѣти наставленій не послушаютъ и не исправятся, то родители должны показать имъ свой гнѣвъ. Ежели и гнѣвомъ ничего не сдѣлаютъ; должны ихъ наказать тѣлесно. Ежели не исправятся, бывъ неоднократно наказаны тѣлесно, должны ихъ отъ себя удалять, не обнаруживая, однако, ихъ вины.

Конфуцій требуетъ отъ дѣтей, чтобы они искренно любили и почитали родителей; охотно имъ повиновались и ревностно служили во всемъ должномъ. Когда родители приказываютъ что-нибудь несправедливое, не велить слушать; повелѣваетъ питать и покоить

родителей не только безъ отговорокъ, но и съ почтительною и сыновнею любовію, съ охотою оказывать всевозможное послушаніе даже своенравнымъ и жестокимъ; увѣщевать злыхъ, но съ величайшею осторожностію и почтеніемъ; безъ вѣдома родителей отнюдь далеко не отлучаться; если-же какая необходимость заставитъ отлучиться, то родители должны знать, въ какихъ странахъ находятся ихъ дѣти, дабы, если для родителей можетъ быть полезна услуга дѣтей, могли они быть готовы; отъ наставленій предковъ и родителей не вдругъ отступать; любить и уважать тѣхъ, которыхъ уважаютъ и любятъ родители; на все испрашивать воли родителей; безъ нужды не подвергаться опасностямъ жизни; ни чего ни брать, ни давать въ заемъ на свое имя; остерегаться безъ нужды или порочнымъ образомъ повредить, паче-же лишиться какого-нибудь члена тѣла. (Китайцы, основываясь на семъ последнемъ, за пристойнѣйшее почитаютъ петлею окончить жизнь, нежели отсѣченіемъ головы. Беззаконнымъ и постыднымъ дѣломъ считаютъ они предстать предъ своихъ родителей въ искаженномъ и обезглавленномъ тѣлѣ, которое получили отъ нихъ во всей цѣлости).

Обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, по предписанію Конфуція, не оканчиваются съ жизнію родителей. Онъ требуетъ отъ дѣтей, что-бы они, когда родители умрутъ, погребали ихъ, послѣ погребенія въ опредѣленные времена ежегодно чтили ихъ память съ обрядами, приличными ихъ достоинству, степени и состоянію, и наконецъ, носили по нихъ трауръ чрезъ цѣлые три года. Совершеніе ежегодно въ опредѣленные времена поминовенія по умершихъ родителяхъ установлено, какъ увѣряетъ Конфуцій, на тотъ конецъ, что-бы дѣти, видя поразительные примѣры уваженія къ родителямъ, уже давно умершимъ, могли научиться любить и почитать родителей живыхъ. При похоронахъ родительскихъ Конфуцій, осуждая какъ скупость, такъ и пышность, требуетъ болѣе внутренняго сокрушенія. «Когда отдается послѣдній долгъ умершимъ родителямъ, говоритъ онъ, тогда печаль дѣтей должна быть изъясляема болѣзненными чувствами прискорбія и внутреннимъ сожалѣніемъ о потерѣ родителей. Дѣти должны на семъ остановиться, и не много заботиться, если достатокъ не позволяетъ сдѣлать имъ пышныхъ приуготовленій, въ которыхъ кроется больше тщеславія, нежели усердія.»

Ношеніе по родителямъ трехлѣтняго траура основываетъ Конфуцій на той благодарности, которою дѣти обязаны родителямъ за тѣ три года, въ которые они не выходили изъ объятій отца и матери. Когда ученикъ *Цзай-во* вновь вводимое единоелѣтнее опла-

квиваніе родителей силится защищать кое-какими доводами, говоря, что отказавшіеся отъ исправленія общественныхъ должностей въ продолженіе трехъ лѣтъ могутъ отвыкнуть отъ оныхъ и, слѣдовательно, сдѣлаться неспособными; что неупражнявшіеся чрезъ три года въ музыкѣ позабудутъ оную; что и самая природа въ предѣлахъ одного года заключаетъ начало и конецъ бытія многихъ вещей. Конфуцій противопоставилъ ему почтенную древность, законы предковъ и грызеніе совѣсти слѣдующимъ образомъ: «Древнія книги о должностяхъ и обрядахъ предписываютъ дѣтямъ, чтобъ они по смерти своихъ родителей три года питались хлѣбомъ обыкновеннымъ и нечищеннымъ, пили воду и употребляли одежду пеньковую, жесткую и простую. Итакъ, если ты, по прошествіи одного года, уже не будешь оплакивать родителей, и начнешь питаться чистымъ хлѣбомъ и облекаться въ свѣтлыя одежды; останешься-ли спокоенъ душею? не будетъ ли тебя мучить совѣсть за нарушеніе обязанностей къ родителямъ?»

Когда ученикъ настоялъ, что онъ будетъ спокоенъ, то учитель Конфуцій началъ говорить со стороны противной, т. е. началъ описывать характеръ мужа честнаго и умнаго. «Для честнаго и умнаго мужа, погруженнаго въ печаль и сѣтованіе о лишеніи родителей, нѣжнѣйшее кушанье бываетъ неприятно и невкусно. Также когда ему случится слушать музыку, она столько-же веселитъ его, сколько глухого. Хотя онъ лежитъ на мягкой и нѣжной постелѣ, однако, не наслаждается спокойствіемъ. Толикую-то имѣетъ силу печаль мужа честнаго. Таково-то и столько-то долговременно сожалѣніе его о родителяхъ. И посему онъ никогда не согласится сократить время оплакиванія, отъ предковъ установленное; а ты, поелику защищаешь противное, дѣлай, что тебѣ угодно». Какъ скоро *Цзай-во* вышелъ, то онъ другимъ ученикамъ изложилъ причины говореннаго имъ, выводя трехлѣтнее оплакиваніе родителей изъ трехлѣтняго ихъ о насъ попеченія. «Ибо, говорилъ онъ, дитя, рожденное и воспитываемое, не прежде трехъ лѣтъ выходитъ изъ объятій матери. Ученикъ *Ю* (тотъ-же *Цзай-во*) не истинно добродѣтельный человекъ, когда полагаетъ, что столь удобно отвергнуть древніе обычаи, и нарушить установленія предковъ, которые очень согласны съ законами природы и здраваго разума. Ибо младенецъ не прежде трехъ лѣтъ выходитъ изъ рукъ отца и матери. Итакъ, не достойно и не праведно-ли трехлѣтней ихъ горячности отвѣтствовать любовью и скорбію столько-же лѣтъ? Сіе трехлѣтнее оплакиваніе искони во всей Имперіи извѣстно и употребительно. Видно, что ученикъ *Ю* не пользовался родительскимъ попеченіемъ и любовью въ теченіе

трехъ лѣтъ, какъ прочіе смертные, когда очень вступаетъ за сей новый обрядъ и защищаетъ погрѣшности нашего вѣка».

Отъ трехлѣтняго оплакиванія родителей, въ продолженіи котораго Конфуцій предписываетъ: не являться въ публику, отказываться отъ общественныхъ должностей, носить одежду толстую бѣлаго цвѣта, подпоясываться веревкою, не выходить изъ дома, покои и всѣ домашніе уборы перемѣнять въ простѣйшіе, отбросивъ всѣ украшения, не употреблять ни вина, ни хорошихъ яствъ, довольствуясь одними огородными овощами и нечищеннымъ пшеномъ, отлагать мягкія постели, не имѣть сообщенія съ женщинами, не жениться и не выходить въ замужество,—не освобождается, по правиламъ Конфуція, и самый Императоръ. Трехлѣтнее оплакиваніе отца и матери есть одинакій долгъ для благородныхъ и неблагородныхъ; здѣсь они ничуть не отличаются: ибо заслуги родительскіе и обязанности дѣтей должны имѣть одну и ту же силу во всякомъ состояніи и званіи людей.

Почтеніе, любовь и повиновеніе родителямъ Конфуцій весьма уважаетъ. По его правиламъ, входъ къ достиженію достоинствъ и полученію общественныхъ должностей открытъ токмо тѣмъ, кои несомнительными опытами засвидѣтельствовали почтеніе, любовь и повиновеніе родителямъ; за сіи добродѣтели иногда наградою бываетъ корона, но весьма часто чины и пенсія. Напротивъ, тѣ, которые замѣчены въ непочтительности къ родителямъ и не оказываютъ повиновенія, заслуживаютъ, по мнѣнію Конфуція, величайшее презрѣніе и самое тяжкое наказаніе.

Власть родителей Конфуцій считаетъ оплотомъ высочайшей власти. Невозможно, говоритъ онъ, что-бы тотъ не повиновался правительству, который отъ родителей наученъ послушанію и отъ дѣтей своихъ требуетъ его; невозможно, чтобъ сопротивлялся тотъ, которому съ молодыхъ лѣтъ примѣромъ, наставленіемъ и обрядами ничто такъ не внушено, какъ почтеніе, уваженіе и покорность къ родителямъ, и ко всѣмъ въ Государствѣ властямъ; невозможно сдѣлаться нововодителями тѣмъ, которые приучены любить то, что древніе любили, нещисль о томъ, о чемъ неклись древніе, и подражать тому, что дѣлали древніе.

Хотя Конфуцій установилъ между отцомъ и сыномъ союзъ очень тѣсный, и кругъ взаимныхъ отношеній весьма обширный; однакожь, онъ не допускаетъ, что-бы сіи отношенія могли простирались столь далеко, что-бы отеческое честное или порочное поведеніе вмѣняемо было дѣтямъ. «Какъ безумному и развратному сыну, говоритъ любомудръ, ни добродѣтель, ни благоразуміе отца не

могутъ служить украшеніемъ; такъ глупость и развратная жизнь отца не должны помрачать чести умнаго и добродѣтельнаго сына, слѣдовательно, заслуживающаго быть при Государственныхъ дѣлахъ».

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ показать должности, которыя Конфуцій предписалъ юношамъ. «Младшіе братья и сыны младшіе въ семействѣ, въ домѣ своемъ, говоритъ онъ, должны повиноваться и служить родителямъ со всевозможнымъ напряженіемъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ; въ обществѣ должны почитать всѣхъ старшихъ себя, ближнихъ своихъ и однокровныхъ и имъ оказывать послушаніе. Предпріимуть-ли какое дѣло, или вступятъ въ какую должность?—напередъ да оградятъ сердце свое постоянствомъ и начатое постараются окончить. Для сего должны всегда внимательно смотрѣть на начало и конецъ всякаго дѣла, также должны быть искренны, праводушны и постоянны въ своихъ занятіяхъ; должны любить всѣхъ безъ исключенія, со всѣми жить мирно; однако такъ, —чтобъ тѣснѣйшимъ союзомъ любви и дружества соединялись съ одними добродѣтельнѣйшими людьми. Вотъ должности юношей самыя необходимыя! Ежели за исполненіемъ въ точности сихъ должностей будетъ оставаться праздное время, то съ похвалою могутъ его посвятить наукамъ и изученію отъ древнихъ философовъ, предковъ нашихъ, гдѣ находятся прекрасныя примѣры, очень нравоучительныя для всякаго возраста, а наипаче для юношества.

Дабы кто-нибудь не сказалъ, что таковыя юноши суть невѣжды, и что для нихъ лучше быть учеными, нежели добродѣтельными; ученикъ Конфуціевъ *Сы-цзы* предваряетъ сіе слѣдующимъ образомъ: «юноша, неспособный упражняться въ наукахъ, но имѣющій помянутыя добродѣтели и въ дѣйство ихъ приводящій, конечно, учился и есть очень умный человѣкъ». Тотъ-же человѣкъ продолжаетъ: «ежели кто честныхъ и умныхъ мужей любитъ съ такою къ нимъ привязанностію, съ какою онъ плѣняется вещами пріятными и увеселительными для его зрѣнія; также если онъ можетъ, желаетъ и старается истощить всѣ силы свои на исполненіе обязанностей добродѣтельнаго сына; ежели должности подданнаго такъ выполняетъ, что готовъ для благоденствія общественнаго пожертвовать самимъ собою и своею жизнію, когда-бы то ни потребовалось; наконецъ, ежели, обращаясь съ товарищами и друзьями, произноситъ слова, доказывающія его вѣрность: всякъ такимъ образомъ поступающій, сколь-бы мнѣ ни говорили, что онъ никогда не учился, по моему мнѣнію, есть весьма просвѣщенъ и ученъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника церковной жизни.

Пекинъ. Братское собраніе 4-го Іюня 1906 года.

Послѣ пѣнія «Царю Небесный» о. Евлогій прочелъ воскресное Евангеліе (отъ Матѳея глава 4, ст. 18—23-й), послѣ чтенія котораго о. Василій обратился къ братіи монастыря со слѣдующими словами:

«Возлюбл. Братія! Какъ вамъ извѣстно, я только что пріѣхалъ сюда, въ страну для меня совершенно неизвѣстную. Сегодня совершилъ здѣсь первую Божествен. Литургію. Понятно, какія чувства долженъ переживать всякій новопрібывшій человѣкъ. Но меня въ особенности поразило сегодняшнее литургійное евангеліе. Въ немъ читалось о томъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ призвалъ на проповѣдь своихъ первыхъ учениковъ: Петра и Андрея, Іакова и Іоанна. Онъ обратился къ простымъ рыбакамъ со словами: „идите за мной, и я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“. И они пошли за нимъ, бросивъ все, не спрашивая, какая имъ будетъ за это награда. И вотъ, въ этомъ повѣствованіи мнѣ видится какъ-бы указаніе Божіе и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшеніе. Если мы перенесемъ мысленно къ первымъ избраннымъ, ученикамъ, то въ ихъ жизни и дѣятельности найдемъ для себя разъясненіе всякихъ нашихъ запросовъ. Они были простые, бѣдные, необразованные, проявляли не мало малодушія и недостатковъ, но, по Воскресеніи Господа, просвѣщаемые Духомъ Святымъ, распространили слово Божіе по всему міру, и за дѣло Христово претерпѣли всякія бѣды, искушенія и мученія. Не должны ли и мы всегда помнить, что все наше дѣланіе находится въ рукахъ Божіихъ, и безъ Него ничто не можетъ совершиться? Не должны ли также и мы послѣдовать примѣру апостоловъ, оставивъ всякую личную заботу, слѣдовать за Христомъ, служить ему посильною проповѣдію слова Его среди язычниковъ-китайцевъ, научать ихъ Его заповѣдямъ?»

Радуюсь тому, что встрѣтилъ васъ здравствующими и исполненными счастливыхъ надеждъ на блестящее будущее Пекинской Миссіи. Дѣйствительно, даже поверхностное ознакомленіе съ Миссіей можетъ убѣдить въ томъ же всякаго безпристрастнаго человѣка.

Устроенная такъ величественно съ внѣшней стороны, она общаетъ быть сильной и по своему внутреннему строю; она представляетъ собою весьма организованную ячейку, которая разрастается и расту ея, по моему мнѣнію, очень помогутъ сами китайцы—питомцы школь, которыхъ должно приготовить для этой дѣятельности, вдохнуть въ нихъ огонь новозавѣтнаго апостольства.

Но только, какъ мы должны быть строги сами къ себѣ: требуется отъ насъ подвижническая, христіанская жизнь, осторожность, политичность. Руководствомъ для насъ опять—являются св. апостолы, давшіе намъ идеаль апостольскаго подвижничества, наши отечественные миссіонеры—св. Филоеѣй Лецинскій, Макарій Алтайскій и др., и даже указанія нашихъ русск. писателей. Есть не мало описаній дѣятельности нашихъ миссіонеровъ,—выведены типы положительные и отрицательные. Вотъ, напр., у Максимова „Два миссіонера“. Одинъ—о. Николай,—проповѣдывавшій среди гольдовъ, изучившій ихъ языкъ и являвшійся для нихъ Ангеломъ-хранителемъ. Другой—о. Петръ—типъ отрицательный. Полезно, конечно, ознакомиться и съ такимъ лицомъ, чтобы умѣть избѣгать тѣхъ недостатковъ, которые порицаются.

Будемъ молить Бога, да поможетъ онъ намъ въ нашемъ миссіонерскомъ дѣлѣ, и если встрѣтятся на нашемъ пути какія непріятности, то вспомнимъ св. апостоловъ, вспомнимъ самого Христа, и тогда какъ ничтожны покажутся всѣ наши личные страданія передъ тѣмъ, что испытали они».

Послѣ чтенія посланія апостола Павла къ римлянамъ (гл. 2 ст. 10), о. Василій сказалъ: «На нашу проповѣдь истинъ евангельскихъ китайцы могутъ возразить: Наши философы: Конфуцій, Лаоцзы и другіе, да и самъ Будда, дали намъ заповѣди о любви къ ближнему, какія и вы проповѣдуете, не дѣлать зла не только людямъ, а всякой твари, не убивать самой маленькой букашки... Но Христово ученіе гораздо выше ученія языч. философовъ. Христосъ сказалъ: „Любите враговъ вашихъ, молитесь за обижающихъ васъ; если вы любите любящихъ васъ,—какая вамъ благодарность, ибо и язычники не такъ же ли поступаютъ“... Въ этомъ то и есть громадная разница между ученіемъ Христа и другими ученіями, и это намъ все должно имѣть въ виду».

Затѣмъ братчикъ Иванъ Чоновъ прочелъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста о томъ, что молитва за другихъ бываетъ полезна только при томъ условіи, если тѣ, за кого другіе молятся, сами бодрствуютъ.

Послѣ этого побесѣдовали о домашнихъ монастырскихъ дѣлахъ и, пропѣвъ „Достойно“, разошлись.

Харбинь-Пристань.

Октября 9-го. Религіозно-нравственныя бесѣды, веденныя съ богомольцами послѣ вечерни въ воскресные дни до 20 февраля и прекращенныя, по случаю отъѣзда многихъ жителей изъ г. Харбина въ Россію, влѣдствіе военныхъ дѣйствій, съ 9 Октября снова возобновились. По окончаніи вечерни, Іеромонахъ Іоаннъ Кукша предложилъ собравшимся богомольцамъ катехизическую бесѣду «О естественномъ и сверхъестественномъ откровеніи», а потомъ Іеромонахомъ Діонисіемъ было прочтено изъ книги Дьяченко «Праздничный отдыхъ Христіанина» о всемогуществѣ Божіемъ. Собравшихся богомольцевъ было до 60 человѣкъ. Собраніе закончилось пѣніемъ «Достойно есть».

Октября 16-го. Послѣ вечерни Іеромонахомъ Іоанномъ Кукшей было предложено собравшимся богомольцамъ катехизическое поученіе (пространное) о священномъ Писаніи, а іеромонахомъ Діонисіемъ послѣ катехизической бесѣды было прочтено изъ книги Дьяченко «Праздничный отдыхъ христіанина» „Евангельское ученіе въ отношеніяхъ къ ближнимъ, съ изъясненіемъ заповѣди о любви ко врагамъ“. Собравшихся богомольцевъ было до 30 человѣкъ. Собраніе закончилось пѣніемъ «Достойно есть».

23 Октября. Послѣ вечерни собравшимся богомольцамъ Іеромонахъ Іоаннъ Кукша предложилъ пространныя катехизическую бесѣду о Священномъ Преданіи, а іеромонахъ Діонисій прочиталъ изъ книги Дьяченко «Праздничный отдыхъ христіанина» о воскресеніи сына вдовы найнеской. Богомольцевъ было до 20 человѣкъ. Собраніе закончилось пѣніемъ «Достойно есть».

30 Октября. По окончаніи вечерни собравшимся богомольцамъ, которыхъ было до 50 человѣкъ, Іеромонахъ Іоаннъ Кукша предложилъ катехизическую бесѣду о Символѣ вѣры, а іеромонахъ Діонисій изъяснилъ евангельское литургійное чтеніе: притчу о Святелѣ. Собраніе закончилось пѣніемъ «Достойно есть» *).

*) См. выпуски 25-26 и 27-28 за 1906 г.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

5 Юня Причту Преображенской церкви ст. Хайларъ разрѣшено израсходовать 600 руб. изъ церковныхъ суммъ на приобретение необходимой церковной утвари.

2 Юля Священникъ Петропавловской церкви ст. Цицикаръ Николай Шастинъ уволенъ въ заштатъ.

2 Юля Священникъ Новохарбинской Николаевской церкви Петръ Богдановъ переведенъ къ Петропавловской церкви на ст. Цицикаръ съ годовымъ окладомъ содержания 1980 руб.

2 Юля Преподаватель Клеванскаго Духовнаго училища, Волинской епархіи, Кандидатъ Богословія, Статскій Совѣтникъ Леонтій Пекарскій назначенъ на должность старшаго священника къ Новохарбинской Николаевской церкви съ годовымъ окладомъ содержания 2500 руб., съ тѣмъ, чтобы для рукоположенія явился въ г. Пекинъ.

2 Юля Псаломщикъ ст. Пограничной Борисъ Воблый назначенъ на одну изъ свободныхъ желѣзнодорожныхъ священническихъ вакансій съ годовымъ окладомъ содержания 1200 руб., для обслуживания въ церковномъ отношеніи православнаго населенія по южной вѣткѣ отъ Харбина Кит. Вост. желѣзной дороги, съ тѣмъ, чтобы по вступленіи въ законный бракъ явился для рукоположенія въ г. Пекинъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Почему язычники не принимаютъ вѣры.—Освященіе храма на станціи Хайларъ, Китайской Восточной желѣзной дороги, во имя Преображенія Господня.—Корреспонденци.—Изложеніе сущности Конфуціанскаго ученія.—Хроника церковной жизни.—Официальный отдѣлъ.

7) Нейгаховская, основанная въ 1899 г. разруш. въ 1900 г. Вновь возстановлена въ 1901 году.	Завѣдывающій іеромон. Христофоръ.
8) Тяньцзинское отдѣленіе миссіи основано въ 1904 г. Церковь-вагонъ во имя Покрова Б. М.	Завѣд. Архимандритъ Авраамій.
Завѣдующій, членъ духовной миссіи іеромонахъ Симонъ (Виноградовъ).
Его помощникъ З. Г. Поповъ.
9) Шанхайское отдѣленіе миссіи съ церковью и школой. Основано въ 1901 году.	Послушникъ Θεодоръ Власовъ, при немъ діаконъ-китаецъ Мих. Танъ и исп. д. псал. китаецъ монахъ Иннокентій (Фанъ).
10) Юппинфуское (губ. г. Юппинфу) отд. Миссіи. Основано въ 1904 г. съ церковью и школой.	Штата не положено.
11) Тяньское (г. Тянь) отдѣленіе Миссіи. Основано въ 1904 году.	Штата не положено.
12) Урумцы, главный городъ провинціи Сибирская. Церковь предполагена къ постройкѣ. Штатами 1903 года положено: священникъ, съ оклад. жалов. въ 1200 руб. псаломщикъ 700 "	іеромонахъ Николай (Александръ) Павелъ Шевченко.
13) Благовѣщенская миссіонерская церковь на Пристані—Харбинь, освященная въ 1903 г.	Завѣдующій Архимандритъ Авраамій, онъ же и Благочинный Маньчжурскихъ церквей, іеромонахъ Діонисій, іеродіаконъ Сергій.
14) Иннокентіевская миссіонерская церковь баракъ на ст. Маньчжурія, основанная въ іюль 1902 г.	Штата не положено.
15) Отдѣленіе миссіи на ст. Хайларъ. На отведенномъ мѣстѣ предполагена постройка церкви.	Штата не положено.
16) Пекинское подворье въ гор. С.-Петербургѣ, Воронежская, д. № 110. Основано въ 1903 г.	Завѣдующій членъ миссіи, іеромонахъ Василій, и студентъ Петербургской академіи Свящ. Александръ Триденцевъ.

Церкви приходскія:

- 1) Св. Серафимовская на ст. Маньчжурія, церковь-школа, освященная 6 Ноября 1903 г.
Окладъ годового содержанія:
священнику 1980 руб. Свящ. Василій Титовъ.
псаломщику 900 " діаконъ Андрей Пѣтелинъ.
сторожу по 360 " Церковникъ
- 2) Преображенская церковь на ст. Хайларъ.
священнику 1980 руб. въ годъ Свящ. Борисоглѣбскій,
псаломщику 900 " Илья Архангельскій.
сторожу . . . 360 "
- 3) Св. Царицы Александры на станціи Бухзду церковь-школа, освященна явъ 1902 году
Окладъ содержанія:
священнику 1980 руб. Священникъ Александръ Онипкинъ
псаломщику 900 " Свящ. Владиміръ Барганъ.
сторожу по 360 " Чатыровъ.
- 4) Св. ап. Петра и Павла на ст. Цицикаръ церковь-школа, освященная 4 ноября 1903 г.
Окладъ содержанія:
священнику 1980 руб. Свящ. Владиміръ Бибилюровъ.
сторожу . . . 360 " Борисовъ.
- 5) Св. Николаевская церковь въ гор. Новомъ Харбинѣ. Освящена 5 декабря 1900 года.

Окладъ содержанія:
 старшему священнику 2500 руб. Леонтій Пекарскій
 второму священнику . 1980 * Свящ. Іоаннъ Володковичъ.
 діакону 1500 * Діаконъ Порфирій Петровъ.
 псаломщику . . . 900 . . . * . . . на долж. псал. діаконъ Алексій Васильевъ.
 сторожу 360 . . . * . . . Діонисій Полушинъ.

6) Ст. Яомынь штатъ съ 1906 года.
 священнику 1200 р. {
 сторожу . . 360 * Борисъ Воблий.

7) Св. Сергіевская на станці Имяно церковъ-
 школа, освященная 19 декабря 1901 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1980 руб. священникъ Иваскентій Пѣтелинъ.
 псаломщику 900 * діаконъ Георгій Писаревъ.
 сторожу . . 360 * Тихонъ Довбичъ.

8) Введенская на станц. Ханьдаохэцзы церковъ-
 школа, освященная 1 ноября 1903 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1200 руб. Священникъ Іаковъ Крахмалевъ.
 псаломщику 900 * Вакація.
 сторожу . . 360 * Георгій Гищъ.

9) Св. Николаевская на стан. Пограничной цер-
 ковъ-школа, освященная 21 декабря 1901 г.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1980 руб. Священникъ Константинъ Цивилевъ.
 псаломщику 900 * Вакація.
 сторожу . . 360 *

10) Чжалайнорскія копи. Священ. 1200 руб. . . Свящ. Іоаннъ Савватѣевъ.
 Псаломщикъ. 900 руб. К. Димитріевъ.

11) Св. Николаевская походная церковъ-баракъ
 въ усадьбѣ старый Харбинъ. Освящена 12
 марта 1899 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1800 руб. . . . Свящ. Сергій Брадучинъ.
 вольнонаемному церковнику 400 * . . . Ромашкинъ.

**„Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“
 выходятъ по два выпуска въ мѣсяць.**

Подписная цѣна—3 руб. въ годъ, цѣна отдѣльнаго выпуска 15 коп.
 Адресъ: Пекинъ, Редація „Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ.“

За редактора Іеромонахъ
 Симонъ.

Печатать дозволяется.
 Епископъ Иннокентій.